

Бытование гербов дворян и графов Шуваловых в середине XVIII века

Информация о генезисе и бытовании фамильных гербов в императорской России малыми долями разбросана по разнообразным источникам, порой почти непредсказуемым. Так, нами были обнаружены новые материалы об иконографическом и прикладном бытовании гербов дворян и графов Шуваловых в середине XVIII в., которые оказались связаны с покровительством этой фамилии Тверскому Николаевскому Малицкому монастырю. Все они относятся к истории одной семьи – Петра Ивановича и Мавры Егоровны Шуваловых, влиятельных царедворцев Елизаветинского времени.

В книге поступлений Тверского музея № 5 (1895–1909 гг.) среди приобретений за 1907 г. значится «старинная коробка в виде книги», на верхней крышке которой «находится тисненное изображение дворянского герба, окруженного орнаментальными фигурами. В самом гербе в верхней половине щита находится изображение трех гранат и трех звезд, в нижней изображении единорога»; размер – «4 $\frac{3}{4}$ x 4 $\frac{1}{2}$ вершка, 1 $\frac{1}{2}$ – в толщину»¹.

Герб со временем был определен и использован хранителями музея для получения сведений о его носителе, но с геральдической точки зрения изображение не изучалось, и его информационные возможности далеко не исчерпаны.

В инвентарной карточке предмет датирован второй половиной XVIII в. и описан так: «Коробка в виде книги, с кожаными застежками и медными пряжками сбоку. На лицевой стороне крышки – медная накладка с рельефным изображением герба графов Шуваловых: Петра Ивановича и Мавры Егоровны [...]. Возможно, коробка – одно из их многочисленных пожертвований в Николо-Малицкий монастырь близ Твери» (Тв.М КП 176, Инв. № ИР-377)² (см. вкладку, илл. 7 а, б).

Описанная коробка как замечательный образец предмета дворянского быта долго выставлялась в основной экспозиции Тверского музея. В очерке о музейной коллекции предметов из дерева, составленном хранителем это-

¹ Научный архив Тверского государственного объединенного музея. Ф-11. Оп. 1. Д. 26. Л. 392–393.

² Размер – 7,3 x 21,1 x 20 см. Сохранность: значительные потертости и загрязнение, разрывы, трещины, царапины, поеды жуком, бытовая реставрация. Описание

го фонда Е.А. Снегиревой, она отнесена к «ценным и редким» предметам второй половины XVIII в., принадлежность которого графам Петру Ивановичу и Марфе Егоровне Шуваловым точно подтверждается их «дворянским гербом», на нем помещенным³.

Действительно, герб на предмете почти полностью соответствует утвержденному 31 января 1874 г. гербу графов Шуваловых, внесенному в XII часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». Описание его таково: в червленом щите – серебряный скачущий единорог с золотыми глазами, рогом и копытами, черная глава щита разделена золотым стропилом, обремененным тремя черными гранатами с червленым пламенем и сопровождаемым тремя серебряными о пяти лучах звездами. Щит увенчан графской короной и тремя графскими шлемами. Два первых коронованы. Нашлемники: средний – черный коронованный императорский орел с червлеными глазами, языками и золотыми клювами и когтями, второй – серебряный стоящий единорог с золотыми глазами, рогом и копытами, третий – черная лейб-компанская шапка, украшенная императорским орлом и тремя страусовыми перьями, находящаяся между двух черных орлиных крыльев, на каждом – три серебряных пятиконечных звезды. Наметы среднего и третьего шлемов – черные с золотом, второго – червленый с серебром. Щитодержатели: серебряный единорог с золотыми глазами, рогом и копытами и серебряный гриф с золотыми глазами и языком. Девиз: «За верность и ревность» серебряными буквами на черной ленте⁴.

Изображение относится к группе гербов, пожалованных императрицей Елизаветой Петровной всей гренадерской роте Преображенского полка (31 декабря 1741 г. переименована в лейб-компанию), которая возвела ее на престол. Среди пожалованных были братья Петр и Александр Шуваловы⁵. По указу императрицы весь личный состав роты был пожалован дворянством. Всем им следовало «сделать гербы по опробованному от Нас рисунку [герб лейб-компания – Н.Ч.], а которые есть из дворян, и тем в гербы их прибавить и сей новый герб, и подготовить надлежащие дипломы к подписанию Нашему»⁶.

составлено в 1989 г. научным сотрудником М.К. Малеевой. Неквалифицированное описание герба опущено автором.

³ *Снегирева Е.А.* Собрание предметов из дерева: из истории коллекции // Вестник Тверского государственного объединенного музея. Вып. 15. Тверь, 2008. С. 14–15 (помимо упоминания в этом очерке предмет нигде не публиковался).

⁴ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи (далее ОГ). Ч. 12. № 13. Эта часть не опубликована, но с ней можно ознакомиться в Интернете.

⁵ *Тройницкий С.Н.* Гербы лейб-компания: обер и унтер-офицеров и рядовых. Пг., [1914]. С. 7–8.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собр. 1-е. Т. 11. [СПб.], 1830. С. 554. № 8491.

Герб лейб-компания был утвержден в 1742 г.: в черном поле золотое стропило с наложенными на нем тремя горящими гранатами между тремя серебряными пятиугольными звездами. Щит увенчан дворянским шлемом, обращенным вправо, на который наложена лейб-кампанская гренадерская шапка с красным и белым страусовыми перьями; по сторонам шапки – два орлиных черных крыла с тремя серебряными звездами на каждом. Девиз – «За верность и ревность»⁷. Эта эмблема заняла в гербе графов Шуваловых и Воронцовых вершину (в большей части гербов лейб-компанцев – правую половину щита).

17 октября 1746 г. действительные камергеры братья Петр и Александр Ивановичи Шуваловы были возведены в графское достоинство Российской империи⁸. Накладка с их графским гербом на коробке из Тверского государственного объединенного музея могла появиться уже вскоре после этого события. Сохранившиеся геральдические носители свидетельствуют о начале использования этого герба значительно раньше его официального признания.

Изображение на ней имеет отличия от официально утвержденного варианта. В первой части щита стропило сопровождают три шестиконечные (а не пятиконечные) звезды; во второй – единорог изображен с лошадиным хвостом; щит увенчан короной о семи жемчужинах (а не о девяти, как должно быть в графской); из трех шлемов коронован только первый (а не первые два) и также семилучевой короной; средний нашлемник имеет три (а не две) императорские короны; на третьем клейноде – гренадерской шапке – нет изображения императорского орла, а на орлиных крыльях нет звезд; геральдические цвета не обозначены⁹, девиз отсутствует.

Предположение, что «шуваловская» коробка была частью вкладов в мужской Николаевский Малицкий монастырь (находился в 7 верстах от Твери в направлении Санкт-Петербурга) совершенно справедливо и существенно сужает ее датировку.

Поступление предмета в Тверской музей в 1907 г. совпало по времени с публикацией доклада Е.В. Ливотова, прочитанного на 95-м заседании Тверской ученой архивной комиссии «Вклады графов Шуваловых в Николо-Малицкий монастырь»¹⁰. Издание рассылалось заинтересованным лицам и учреждениям, о нем должны были знать и в монастыре. Передача в музей «шуваловской» коробки могла стать откликом на публикацию или на сам доклад, сделанный еще в 1904 г. (другие, более ценные вещи из вкладов Шу-

⁷ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 11. [СПб.], 1830. С. 696. № 8639; *Троицкий С.Н.* Указ. соч. С. IX, XI.

⁸ *Троицкий С.Н.* Указ. соч. С. 461.

⁹ Штриховкой показано лишь, что цвета разные; читать ее как геральдическую не следует.

¹⁰ *Ливотов Е.В.* Вклады гр. Шуваловых в Николо-Малицкий монастырь. Из журнала 95 заседания Тверской ученой архивной комиссии 17 февраля 1904 г. Тверь, 1907.

валовых в Николаевский Малицкий монастырь оказались в Тверском музее уже при других обстоятельствах – в 1922 г.)¹¹.

По учетной записи коробка поступила из Твери, хотя земельных владений Шуваловых в Тверской губернии никогда не было, а Малицкий монастырь стал известен представителям этой фамилии «по особенному случаю в их жизни», произошедшему именно в середине XVIII в. Этот случай, описанный ниже, был зафиксирован в трех клеймах на обороте образа «Святителя Николая, Мефодия и пророка Елисея», хранившегося в обители еще в начале XX в.

В апреле 1742 г., следуя на коронацию Елизаветы Петровны в Москву, в подмонастырской Малицкой слободке остановилась заболевшая дорогой беременная супруга Петра Ивановича Шувалова Мавра Егоровна. Доктор из Твери «истощил над больною все свое знание», но «не только не находил средств к сохранению во утробе ея младенца, но даже отчаивался в жизни самой графини» (графиня с 1746 г. – Н.Ч.). Однако она чудесным образом почувствовала облегчение и даже смогла продолжить путь после «обращения за помощью в мир невидимый», а именно: у ее постели отслужили молебен перед чудотворным образом святителя Николая, доставленным из Малицкой обители¹².

Петр Иванович Шувалов (1711–1762) – государственный деятель необычайной энергии, широкое поле разнообразной деятельности которого сложно описать в двух словах: участник дворцового переворота 1741 г., граф с 1746 г., с 1751 г. командовал армейской дивизией, с 1756 г. – сформированным им же наблюдательным корпусом. Он реорганизовывал армию и систему ее управления накануне Семилетней войны, с 1756 г. – генерал-фельдцейхмейстер, с 1757 г. – начальник Оружейной канцелярии, устроитель оружейных заводов. П.И. Шувалов руководил разработкой артиллерийских орудий и созданием школы для подготовки офицеров артиллерии и инженерных войск. Он состоял конференц-министром, директором делавшихся по его проекту медных денег, в 1758–1760 гг. был вице-президентом Военной коллегии, генерал-фельдмаршал (1761 г.). Ради упрощения торговли (в своих, в том числе, интересах) добился отмены внутренних таможен в России. Благодаря влиянию на императрицу его жены и двоюродного брата И.И. Шувалова П.И. Шувалов пользовался неограниченной властью во все царствование Елизаветы Петровны¹³.

Его супруга Мавра Егоровна Шувалова, урожденная Шепелева (1708–1759) была ближайшей подругой Елизаветы Петровны, статс-дамой ее Двора, влиятельной персоной, от которой зависели назначения и милости. Этим

¹¹ Из них в Тверском музее сейчас хранятся две иконки и тарель (Тв.М КП 966, 1303, 1343). О них см.: Царева Т.А. Иконы графини Шуваловой // Музей: память веков. Поиски и находки. Вып. 2: м-лы конф. к 135-летию Тверского музея. Тверь, 2001. С. 28–34.

¹² Историческая записка о Тверском Николаевском Малицком монастыре. Тверь, 1855. С. 12–13.

¹³ Русский биографический словарь. Т. [23]: Шебанов – Шютц. СПб., 1911. С. 490–503.

объясняли и сватовство к этой немолодой дурнушке блестящего вельможи Петра Шувалова. Свадьбу, при личном заинтересованном участии императрицы, сыграли в феврале 1742 г., еще до коронации. Именно стараниям «Маврушки» была обязана своим возвышением партия Шуваловых. 4 июня 1742 г. Мавра Егоровна родила сына¹⁴, которого «по имени избавителя» назвала Николаем и поручила покровительству «малицкого» чудотворного образа. Тогда же счастливая мать приняла обет «перестроить заново весь монастырь, сделав в нем все здания каменными»¹⁵.

Пожертвования Шуваловых в обитель церковной утвари, средств на содержание братии и каменное строительство осуществлялись в 1743 г. и 1751–1760 гг. По завещанию Мавры Егоровны, в июне 1759 г. и тело ее было погребено в Николо-Малицком монастыре; тогда же сюда была передана и «вся домашняя святыня ея»¹⁶.

Очень вероятно, что коробка с геральдической накладкой из Тверского музея была футляром для какой-то из этих святынь. В таком случае время ее изготовления ограничивается октябрём 1746 г. – маем 1759 г.¹⁷. Исполнение геральдической накладки предмета в стиле рококо подтверждает датировку серединой – третьей четвертью XVIII в. Еще в начале XX в. «память о графах Шуваловых и следы их пребывания в Малицком монастыре сохраняли настоятельские комнаты с потолками, расписанными в стиле рококо»¹⁸, использование которого в тверской глубинке при других обстоятельствах было бы маловероятно.

По оформлению «шуваловской» коробки «в виде книги» можно предположить, что книга в ней и хранилась: например, небольшое для личного пользования Евангелие. Владельческие гербы на таком предмете (а тем более на футляре) могли помещаться также, как на любом другом¹⁹.

Вклады Шуваловых в Малицкий монастырь довольно подробно описаны в исторической записке о Николаевском Малицком монастыре 1855 г., в описании обители 1859 г.²⁰ и в исследовании Е.В. Ливотова, но геральдическая

¹⁴ Русский биографический словарь. Т. [23]: Шебанов – Шютц. СПб., 1911. С. 467–468.

¹⁵ Историческая записка о Тверском Николаевском Малицком монастыре. С. 5–6.

¹⁶ В 1755 г. здесь же похоронен ее сын Николай, и в разное время еще 9 их родственников (Ливотов Е.В. Указ. соч. С. 9–11).

¹⁷ В подобных футлярах хранились, например, домашние святыни графа А.А. Аракчеева: части гроба Александра I и старинный наперсный крест. См.: Хохлов И.В. Грузино – маленький «Петербург» графа Аракчеева. Новгородский музей-заповедник, 2016. С. 10–11.

¹⁸ Ливотов Е.В. Указ. соч. С. 15.

¹⁹ Так, в собрании Новгородского музея-заповедника хранится Евангелие 1833 г., на окладе которого выгравирован герб графа Аракчеева (Там же. С. 7).

²⁰ Историческая записка о Тверском Николаевском Малицком монастыре; Описание Николаевского Малицкого монастыря, составленное ризничим и казначеем сего монастыря иеромонахом Феофилактом Виноградским. Тверь, 1859.

коробка в них не упоминается. В этих трудах перечислены лишь самые ценные из значительных пожертвований графов. К менее дорогим вещам отношение в монастыре было сугубо практическое: при необходимости они «употреблялись на различные церковные поделки». Так, некоторые «серебряные вещи, присланные Шуваловыми и лежащие без употребления», были использованы для отделки оклада Евангелия, вложенного в монастырь ими же²¹. Деревянная коробка, обложенная медью, избежала этой участи.

Среди вкладов графов Шуваловых в Малицкую обитель вскользь упоминаются несколько других предметов-носителей их фамильного герба, иллюстрирующих практическое его применение.

В середине XIX в. перед «домашней святыней» графов, помещенной в резном киоте в соборной церкви монастыря за левым клиросом, висела «большая серебряная лампада, вокруг которой серебряные накладные и местами позлащенные изображения фамильного герба Шуваловых весом в 13 фунтов»²². Среди этой святыни был серебряный вызолоченный киот с девятью частицами мощей святых, «утвержденный», видимо, геральдической «печатью Шуваловых»²³.

Эти вещи, как уже было сказано выше, попали в монастырь по завещанию Мавры Егоровны в 1759 г. во время ее похорон. Как выяснилось, в самой печальной процессии участвовали предметы с изображением основной фигуры герба графов Шуваловых – единорога.

Погребения в Табели о рангах отнесены к тем случаям, когда человек мог и должен был демонстрировать свой статус: «В церквях при службе Божьей, при дворовых церемониях, при аудиенциях послов, в торжественных столах, в чиновных съездах, при браках, погребениях и тому подобное»²⁴.

Первая редакция лейб-компанских гербовых дипломов содержала слова: «Данные гербы употреблять при браках и погребениях». Однако императорским указом от 15 мая 1746 г. было велено «погребальные церемонии знатым персонам [...] для великих и напрасных расходов отставить [...], и прочих при том траурных уборов, яко гербов, знамен, факел и флеров, как доньше бывало, не употреблять, кроме одной церковной церемонии [...]»²⁵. Поэтому сделанные к тому времени лейб-компанские дипломы пришлось переделывать²⁶.

Указ «Об ограничении больших церемоний, совершаемых при погребении знатных особ», в целом соблюдался, но для таких выдающихся личностей, как чета графов Шуваловых, в обоих случаях были сделаны исключения.

²¹ Описание Николаевского Малицкого монастыря... С. 56, 74.

²² Там же. С. 58, 71–72.

²³ Там же. С. 64 («В начале XVIII века гербовая печать стала уже необходимейшею принадлежностью представителя “честного и старого рода”» (Лукомский В.К., *Типольт Н.А. бар.* Русская геральдика. М., 1996. С. 9).

²⁴ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 6. [СПб.], 1830. С. 490. № 3890.

²⁵ Там же. Т. 12. [СПб.], 1830. С. 546–547. № 9286.

²⁶ *Тройницкий С.Н.* Указ. соч. С. 473–474.

Своим эффектным и богатым оформлением похороны графа в Санкт-Петербурге в январе 1762 г. наделали много шума. Не любившая Шуваловых Екатерина II воспоминала, что «хотя огромные похороны и при оных великолепные выносы указом покойной Государыни²⁷ запрещены были [...], господа Шуваловы выпросили у бывшего императора, дабы граф Петр Иванович со великолепной церемонией погребен был, сам император обещался быть на выносе [...], народ ждал для смотрения церемонии с самого утра [...]»²⁸. Посмертная подпись пером под одним из портретов графа заканчивается словами «[...] et у fut enterre avec une pompe vraiment royale» (перевод с французского – «[...] и был похоронен там с поистине королевской помпой») ²⁹. Говорили, что эта церемония стоила семье более 50 тысяч рублей³⁰.

Похороны в июне 1759 г. первой супруги графа, ближайшей подруги императрицы, видимо, согласованные с ней самой, были скромнее, но тоже произвели сильное впечатление на современников.

По устному преданию, занесенному в описи Николаевского Малицкого монастыря, «погребальная церемония тела графини Мавры Егоровны Шуваловой была устроена самым торжественным образом». Впереди тела была везена «домашняя святыня» усопшей, при следовании которой «находился под нею большой осьмигранный, весьма замечательной фигуры, из слюды фонарь, в пяти шандалах которого непрестанно горели пять свечей»; процессию «сопровождали победные трофеи Петра Ивановича – две пушки и два воинских знамя»³¹. В церемонии, видимо, участвовали и военные, как минимум, отвечавшие за орудия³².

В 1859 г. в монастырской ризнице еще оставалось одно из упомянутых знамен, которое было «написано на белой тафте с изображением единорога, вокруг коего по полям расположена воинская арматура»³³. Судя по описанию, оно не было ни трофеем, ни воинским знаменем³⁴.

²⁷ Граф П.И. Шувалов пережил императрицу Елизавету Петровну всего на 10 дней, но успел получить от Петра III чин генерал-фельдмаршала.

²⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 531.

²⁹ Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. 2. М., 1912. Стлб. 1189, № 1.

³⁰ Донесения датского посланника Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 года // Русская старина. 1915. № 5. С. 298.

³¹ Ливотов Е.В. Указ. соч. С. 11; Описание Николаевского Малицкого монастыря... С. 74.

³² В самом монастыре в то время находились следившие за строительством от Шуваловых «капитан Меркул Соловкин и капрал с 6-ю солдатами» (Описание Николаевского Малицкого монастыря... С. 23).

³³ Там же. С. 74.

³⁴ Известны русские воинские знамена допетровского времени с изображениями «инрога» в иных композициях. О них см.: Вилинбахов Г.В. Русские знамена XVII века с изображением единорога // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 47. Л., 1982. С. 22–24.

В европейской традиции, по-своему воспринятой русскими аристократами, «на похоронах вельмож самого высокого ранга домочадцы держали скорбные знамена с гербами. Катафалк также был украшен знаменами, штандартами, флажками и малыми флагами, точное количество которых регулировалось рангом знатности»³⁵.

Победными трофеями Петра Ивановича насельники монастыря считали эти самые «скорбные знамена», предназначенные для церемонии погребения и потому оставшиеся в монастыре, у гроба графини. По правилам аристократических геральдических похорон, «атрибуты ранга постоянно демонстрировались во время подготовки к похоронам, на самих похоронах и на месте захоронения»³⁶.

Замужние женщины пользовались «отличием по рангам сообразно своим мужьям»³⁷, поэтому использование при похоронах воинской атрибутики в данном случае следует отнести к роду деятельности супруга покойной, в том числе в свете одновременных этому печальному событию побед русской армии в Семилетней войне. Самого графа хоронили «в препровождении многих знатных чинов»³⁸ и «со всевозможными воинскими почестями»³⁹.

Артиллерия была настоящей страстью генерал-фельдцейхмейстера Шувалова, с именем которого связаны крупные преобразования в этой области. В частности, под его руководством в 1757 г. была разработана длинная гаубица с конической зарядной камерой – первое в мире орудие, сочетающее в себе свойства пушек и гаубиц и могущее стрелять всеми видами боеприпасов. Новые орудия вошли в историю как «шуваловские единороги», поскольку на их первых образцах дельфины и виноград были отлиты в виде этих мифических животных, «взятых» с герба графа («Он, выдумку свою всему предпочитая, гербы свои на сих новых орудиях изображал») ⁴⁰ (см. вкладку, илл. 8 а, б). Оставшиеся на вооружении русской армии и флота рекордный срок (более века) «единороги» сохранили это название и позже, утратив зооморфные украшения⁴¹. Если бы именно они сопровождали тело покойной графини, действие имело бы и геральдический подтекст⁴². На-

³⁵ Слейтер С. Геральдика: иллюстрированная энциклопедия. 2-е изд. М., 2008. С. 42–43.

³⁶ Там же. С. 42.

³⁷ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 6. СПб., 1830. С. 490.

³⁸ Записки князя Якова Петровича Шаховского, полицмейстера при Бироне, обер-прокурора Св. Синода, сенатора при Екатерине II. 1705–1777. СПб., 1872. С. 182.

³⁹ Донесения датского посланника Гакстаузена... С. 298.

⁴⁰ О повреждении нравов в России. Записки сенатора кн. Михаила Михайловича Щербатова с XVI ст. по 1762 г. // Русская старина. 1870. Т. II. Вып. 7/12. С. 108.

⁴¹ История артиллерии до середины XIX в. // <http://www.artillery-museum.ru>

⁴² Связь «единорогов» с гербом графа П.И. Шувалова столь очевидна, что А.Г. Силаев даже сделал ошибочное предположение, что появление в нем изображений

верняка это не известно: к 1859 г. пушки в монастыре уже «затерялись», а к 1904 г. там отсутствовало и последнее знамя;⁴⁵ но практически – это было возможно: к февралю 1759 г. отлили уже 477 «единорогов» шести калибров, а в действующую армию отправили 34.

Единорог стал основной фигурой и непризнанного официально герба дворян Шуваловых: на щите в красном поле скачущий вправо белый единорог, выходящий единорог находился и в единственном нашламнике, девиз: «Providentia duce» (перевод с латинского – «Под руководством провидения»), щитодержатели – лев и грифон с мечом⁴⁴. Из «Дела о гербе графов Шуваловых», опубликованного С.Н. Тройницким, известно, что дворянский герб этой фамилии известен раньше графского и встречался на целом ряде предметов И.И. Шувалова (1727–1797), графского титула не имевшего⁴⁵.

Графиня Мавра Егоровна Шувалова по рождению принадлежала к старинному дворянскому роду Шепелевых⁴⁶, в середине XVIII в. уже приме-

Ил. 1. Портрет графа П.И. Шувалова. Авт. И. Штенглин. Между 1748 и 1752 гг. Инв. ЭРГ-16284. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.

единорога могло следовать за изобретением одноименной гаубицы, а не наоборот (Силаев А.Г. Истоки русской геральдики. М., 2002. С. 124–125).

⁴⁵ Ливотов Е.В. Указ. соч. С. 11 (возможно, пушки в монастыре и не оставались – Н.Ч.).

⁴⁴ Гербовник А.Т. Князева 1785 года: изд. С.Н. Тройницкого 1912 г. / ред., подгот. текста, комм., послесл. О.Н. Наумова. М., 2008. С. 207–208, № 129.

⁴⁵ Тройницкий С.Н. Указ. соч. С. 519. А.Б. Лакиер отнес Шуваловых к «родам выезжим» герба Боньча (Boncza): «В голубом поле бегущий вправо единорог цвета белого» (Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 260. Табл. XXIII, рис. 6). Согласно комментариям к гербу графов Шуваловых, они ведут свой род от Дмитрия Шувалова, владевшего в 1565 г. именными в Костромском наместничестве (ОГ. Ч. 12. № 13). См. также о гербе И.И. Шувалова: Щукина Е.С. Неизданный жетон И.И. Шувалова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 40. Л., 1975. С. 75–76; Дружинин П.А. Геральдика и редкая книга. Т. 2. М., 2014. С. 189–192.

⁴⁶ Герб дворян Шепелевых: щит разделен на три части, в первой в серебряном поле стоящий на задних лапах натурального цвета лев, обращенный влево; второе поле

Ил. 2. Портрет графа П.И. Шувалова. Авт. Х.А. Вортман. 1760 г. Инв. ЭРГ-16283. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва. Инв. ГР-95030. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.

нявшему свой герб⁴⁷, но на предметах четы Шуваловых его не встречается даже в марьяжном сочетании. Зато фиксируются, как минимум, три варианта изображения герба мужа: полный, почти полностью соответствующий позже утвержденному и сокращенный.

Первый вариант известен на следующих носителях: на коробке из Тверского музея (между 1746 и 1759 гг.); дополненный крестом ордена Святого Александра Невского под щитом имеется на портрете графа работы Иоганна Штенглина, созданном, очевидно, между 1748 и 1752 гг.⁴⁸ (ил. 1); а также – в окружении нескольких наград и воинской арматуры – на его же гравированном портрете 1760 г. работы Х.А. Вортмана по живописному оригиналу Г.Г.И. фон Преннера⁴⁹ (ил. 2).

Второй вариант, дополненный цепью ордена Святого Андрея Первозванного, помещен

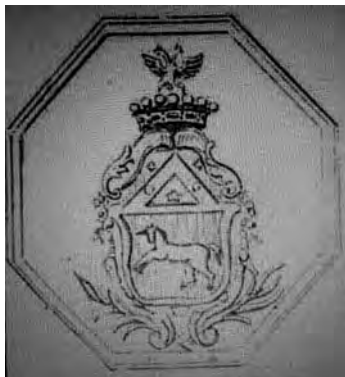
разделено горизонтально на две части: верхнюю – черную с изображением золотой шестиконечной звезды и нижнюю – голубую; в третьей в красном поле воин с поднятым мечом, скачущий на белом коне влево. Нашлемник – рука в латах с мечом. Щитодержатели – два льва. Намет на щите справа серебряный подложен голубым, слева красный с серебром (ОГ. Ч. 3. СПб., [1800]. № 20).

⁴⁷ Гербовник А.Т. Князева 1785 года... С. 203, № 499.

⁴⁸ В подписи к портрету Петр Иванович назван генерал-адъютантом (получил чин в 1748 г.), но на изображении нет ордена Святого Андрея Первозванного, пожалованного ему в 1752 г. (Морозов А.В. Указ. соч. Т. 4. М., 1913. С. CDLXXI (находится в собрании Государственного Эрмитажа, инв. ЭРГ-16284 (<https://www.hermitagemuseum.org>)).

⁴⁹ Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 3. СПб., 1888. Стлб. 2170–2171, № 1. В собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, инв. ГР-95030 (<http://www.arts-museum.ru>); он же в Государственном Эрмитаже, Инв. ЭРГ-16283 (<https://www.hermitagemuseum.org>).

Ил. 4 а, б. Жетон, посвященный графу П.И. Шувалову. Авт. Ж.-А. Дасье, 1756–1758 гг. Лицевая и оборотная стороны (Иверсен Ю.Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. Т. 2. СПб., 1883. С. 351–352. Табл. L, № 4).

его владелец возведен в графское достоинство Российской империи. Выбор в пользу этого, первого по счету и важности, нашламника в данном случае вполне понятен.

Существует еще один вариант изображения герба Шуваловых середины XVIII в., в котором гербовый щит имеет один шлем с нашламником – выходящим единорогом, и окружен фигурками путти и женскими полуфигурами вместо щитодержателей. Эта геральдическая композиция составляет интерьерный картуш, изготовленный в Санкт-Петербурге в 1750-х гг. (или в 1740-х гг.? – Н.Ч.), находящийся сейчас в собрании Государственного Эрмитажа⁵⁴ (см. вкладку, ил. 9).

Предмет определен как носитель герба графов Шуваловых: изображения в его двухчастном щите овальной формы вполне ему соответствуют. Однако верхняя часть композиции в этой связи вызывает много вопросов. Графское достоинство герба ничем не подтверждено: ни над щитом, ни на шлеме нет никакой короны. Это тем более странно, что решетины шлема, намет и другие части картуша проработаны очень детально, а размер предмета – 180 x 86 x 35 см – делает отсутствие короны на нем слишком заметным.

Описанные выше случаи путаницы геральдических корон на предметах Шуваловых отражают общую культуру составления гербов в то время: «Визуальные

погрешности являлись неотъемлемой чертой генезиса геральдического пространства»⁵⁵. Еще в 1750-х гг. Герольдмейстерская контора не знала,

Экслибрис в собрании научной библиотеки МГУ. М., 1985. С. 40, № 5; Экслибрисы и штемпели частных коллекций в фондах Исторической библиотеки. М., 2001. С. 91).

⁵⁴ Дерево; резьба, золочение, полихромная окраска. Санкт-Петербург. Мастерские Адмиралтейств-коллегии (?). Инв. ЭРД-2438. (<https://www.hermitagemuseum.org>).

⁵⁵ Наумов О.Н. Гербовник А.Т. Князева в контексте отечественной геральдики // Гербовник А.Т. Князева 1785 года... С. 227.

«какие внешние знаки употребляемы должны быть для отличия герба княжеского достоинства, понеже по сие время княжеских гербов и дипломов никому сочиняемо не было»⁵⁶. Что же говорить о гербах официально непризнанных!

Однако, изучая Гербовник А.Т. Князева 1785 г., О.Н. Наумов заметил, что корона в фамильных гербах того времени «воспринималась как основной ранжирующий признак»⁵⁷. Ее отсутствие было вариантом нормы лишь для негитулованных дворян, которым и принадлежат все «некоронованные» гербы (более 60) в этом гербовнике. И в составлявшихся официально дворянских гербах того времени, «судя по сохранившимся дипломам и эскизным рисункам», шлем иногда покрывался бурелетом «и лишь изредка венчался дворянской короной, которая считалась присвоенной только потомкам древних родов»⁵⁸.

Невольно напрашивается предположение, что картуш из Государственного Эрмитажа несет изображение не графского, а дворянского герба. Практически его могли использовать Петр и Александр Ивановичи Шуваловы после утверждения 15 октября 1742 г. проекта общего лейб-компанского герба⁵⁹ и до возведения их в графское достоинство 17 октября 1746 г.

Бытование в течение четырех лет самобытного дворянского лейб-компанского герба Шуваловых вполне возможно. Использование официально неутвержденных гербов было очень распространенной практикой в России. Собственно, и графский герб Шуваловых использовался как таковой более ста лет⁶⁰. Из «Дела о гербе графов Шуваловых», опубликованного С.Н. Троицким, ясно, что в 1743–1746 гг. П.И. Шуваловым велись розыски родословной для гербового диплома, но в 1845 г. по документам Герольдии все еще не было видно, что диплом на графское достоинство братьев Шуваловых изготовлялся⁶¹.

В пользу атрибуции изображения в картуше как герба дворянского косвенно свидетельствуют и особенности его композиции, и наблюдения за иконографическим бытованием дворянского и графского гербов этой фамилии.

С геральдической точки зрения изображение этого интерьерного убранства выглядит вполне законченным: сложно представить какой-то недостающий его фрагмент с графской короной. Можно допустить, что вся

⁵⁶ Троицкий С.Н. Указ. соч. С. 454–456.

⁵⁷ Наумов О.Н. Указ. соч. С. 227.

⁵⁸ Лукомский В.К., Тирольт Н.А. бар. Указ. соч. С.11.

⁵⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 11. [СПб.], 1830. С. 697. № 8639.

⁶⁰ По некоторым подсчетам, в дореволюционной России от трети до половины использовавшихся дворянами гербов были неутвержденными официально (Шенелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 66).

⁶¹ Троицкий С.Н. Указ. соч. С. 460, 462, 466.

Ил. 5. Экслибрис графа А.П. Шувалова. Не ранее 1824 г. (*Богомолов С.И. Российский книжный знак, 1700–1918. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 929.*)

Изображение единорога есть на самом гербовом щите, поэтому для упрощения геральдической композиции этим клейнодом можно было бы «пожертвовать» без потери информации.

В самобытном неутвержденном графском гербе фамилии второй шлем и второе поле понимались владельцами буквально: как его историческая основа – их старинный герб, к которому позже прибавили лейб-компанские и графские символы. Видимо, поэтому в его изображениях до внесения в «Общий гербовник» второй шлем или вообще не имел короны (коробка из Тверского музея), или имел дворянскую: портреты графа П.И. Шувалова работы Иоганна Штенглина (между 1748 и 1752 гг.) и Х.А. Вортмана 1760 г., экслибрис (не ранее 1824 г.) графа Андрея Павловича Шувалова (1816; по другим данным, 1817–1876)⁶² (ил. 5), герб на фронтоне Рундальского дворца (не ранее 1826 г.) графа Андрея Петровича Шувалова (1802–1873) (ил. 6), изображение герба, опубликованное С.Н. Тройницким⁶³. Первый шлем всегда венчала графская корона.

По всей видимости, роскошный барочный картуш был изготовлен для петербургского дома П.И. Шувалова⁶⁴. В таком случае отсутствие короны на

композиция была больше, и рядом с этим картушем помещались аналогичные, с одинаковыми средниками, но с другими, использовавшимися в графском гербе Шуваловых нашлемниками и коронами. Но тогда ориентация выходящего единорога в клейноде на имеющемся картуше вправо (геральдически) не соответствует ему как второму из трех нашлемников. В то же время именно так он ориентирован на известных изображениях герба дворян Шуваловых.

Сокращенный вариант графского герба, к разновидности которого могло бы относиться изображение на картуше, в других случаях не использовался с предпочтением второго нашлемника.

⁶² *Богомолов С.И. Российский книжный знак, 1700–1918. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 929.*

⁶³ *Тройницкий С.Н. Указ. соч. С. 7.*

⁶⁴ Предмет с этим гербом мог принадлежать также Александру Ивановичу Шувалову, но он, хоть и был тоже богат, слыл человеком очень скупым, ведшим значительно менее роскошный образ жизни, чем его брат Петр Иванович (Русский биографический словарь. Т. [23]: Шебанов – Шютц. СПб., 1911. С. 468–471). Из краткого описания предмета на сайте Государственного Эрмитажа видно лишь, что он поступил в 1946 г.

гербе вряд ли может демонстрировать уровень геральдической культуры мастера или хозяина или особенность этой интерьерной детали как геральдического носителя.

Секретарь французского посольства в Петербурге в 1760–1761 гг. Ж.Л. Фавье писал о графе как вельможе, стремившемся приобрести «бессмертие посредством медалей, надписей, статуй и т.п.; во всей Европе, кажется, нет лица которое было бы изображаемо и столь часто, и столь разными способами [...]. Он возбуждает зависть азиатской роскошью в дому и в своем образе жизни: он всегда покрыт бриллиантами, как Могол, и окружен свитой [...]»⁶⁵.

Похожим образом графа П.И. Шувалова описывал князь М.М. Щербатов: «Дом его был убран колико возможно лутче по тогдашнему состоянию, стол его [...] наполнен был всем тем, что есть драгоценнейшее и вкуснейшее [...]. Екипаж его был блистающ златом, и он первый цук аглинских [...] имел; платье его соответствовало также пышности: золото, серебро, кружевы, шитье на нем блистали, и он первый по графе Алексее Григорьевиче Разумовском имел бриллиантовые пуговицы, звезду, ордены и еполет, с тою токмо разностию, что его бриллиантовые уборы богатея были [...]»⁶⁶. Мог ли описываемый таким образом человек на заре своего величия не воспользоваться случаем запечатлеть только что приобретенный им графский титул?

Земельный участок на набережной реки Мойки в Санкт-Петербурге был приобретен П.И. Шуваловым в 1742 г.⁶⁷. Эскиз великолепных интерьеров построенного здесь для него двухэтажного каменного особняка вполне мог быть выполнен до конца 1746 г.: все детали убранства, как правило, задумывались архитекторами одновременно. Какой же герб в них использовали? Применить в интерьерах дворца старое изображение родового символа хозяина, изменение которого, в общем, было санкционировано свыше еще в 1741 г., уже тогда значило бы, что его придется переделывать. Да и стал бы Петр Иванович Шувалов отказываться от такой возможности

Ил. 6. Герб на фронте Рундальского дворца графа А.П. Шувалова. Не ранее 1826 г.

из Государственного музея этнографии народов СССР (бывший исторический отдел) (<https://www.hermitagemuseum.org>).

⁶⁵ Записки Фавье // Исторический вестник. 1887. № 8. С. 394.

⁶⁶ О повреждении нравов в России. Записки сенатора кн. Михаила Михайловича Щербатова... С. 112.

⁶⁷ Дворцы и усадьбы № 19 (19.05.2011).

Ил. 7. Вид от Крюкова канала вверх по реке Мойке с изображением дворца П.И. Шувалова. Авт. *М.И. Махаев*. 1757–1759 гг. (План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших оного проспектов, изданный трудами Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге: репринт. изд. 1753 г. СПб., 2007).

продемонстрировать свою причастность к лейб-компани?⁶⁸

Дворец этот не сохранился⁶⁹. О его внешнем виде можно судить по гравюре М.И. Махаева 1757–1759 гг. «Вид от Крюкова канала вверх по реке Мойке с изображением дворца П.И. Шувалова»: на фронтоне здания читается «визитная карточка» хозяина – герб с короной, тогда уже графской⁷⁰ (ил. 7). Мог ли при этом

остаться неизменным геральдический картуш внутреннего убранства особняка (изящное резное украшение, идеально вписанное в интерьер)⁷¹, который при общей геральдической культуре своего времени мало противоречил новому гербу владельца? Если так, то теперь он, возможно, является единственным известным свидетельством кратковременного бытования самобытного лейб-компанского герба нетитулованных дворян Шуваловых.

Таким образом, уже в середине XVIII в. Шуваловы постоянно и широко пользовались гербом, создавали различные его варианты в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств. Разнообразие версий герба и многочисленность даже сохранившихся предметов-носителей позволяют с полным основанием причислить Шуваловых к русским родам с высоко развитой геральдической культурой.

⁶⁸ На одном из его ранних портретов (между 1748 и 1752 гг.) граф изображен опирающимся на гренадерскую лейб-компанскую шапку (*Морозов А.В.* Указ. соч. Т. 4. М., 1913. С. CDLXXI).

⁶⁹ Здание было перестроено в 1770-х гг. для графа Андрея Петровича Шувалова. С конца XVIII в. участок принадлежал князьям Юсуповым, сейчас здесь находится Юсуповский дворец.

⁷⁰ План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших оного проспектов, изданный трудами Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге: репринт. изд. 1753 г. / вступ. ст. *М.А. Алексеева*, коммент. *Ф.М. Лурье*. СПб., 2007.

⁷¹ В отличие от остальных деталей убранства этого дворца картуш дошел до наших дней, так как был сохраняем уже демонтированным: видимо, и для наследников графа П.И. Шувалова он представлял определенный художественный (?) интерес.

А.В. Зимирев

**Гербовые печати государственных деятелей
Российской империи конца XVIII – начала XIX в.
(по материалам Государственного архива Алтайского края)**

В делах Государственного архива Алтайского края нами было обнаружено несколько неизвестных ранее гербовых печатей, принадлежавших государственным деятелям Российской империи конца XVIII – начала XIX в.: Василию Романовичу Марченко, Николаю Ивановичу Трескину и Адаму Ивановичу Брилю.

**Василий Романович Марченко
(1782–1841)**

Василий Романович Марченко родился 28 декабря 1782 г. в Могилеве в семье губернского стряпчего, надворного советника Романа Саввича Марченко (ил. 1)¹.

Карьера Василия Романовича началась после смерти отца в 1795 г. Он был вынужден оставить учебу в гимназии и в возрасте 14 лет поступить на действительную службу. С 1795 по 1799 г. В.Р. Марченко успел послужить в должности канцеляриста в Могилевском верхнем земском суде, затем был повытчиком Могилевской уголовной палаты, а после вхождения Могилевской губернии в состав Белорусской губернии был писцом в канцелярии витебского губернатора С.С. Жегулина.

После выхода С.С. Жегулина в отставку В.Р. Марченко решил попытать счастья в Петербурге и благодаря поддержке бывшего могилевского губернатора Сергея Кузьмича Вязмитинова в 1799 г. получил место протоколиста Комиссариатской экспедиции Военной коллегии.

Ил. 1. Василий Романович Марченко

¹ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 3. СПб., 1907. С. 191.

После назначения в 1802 г. С.К. Вязмитинова министром военно-сухопутных сил В.Р. Марченко перешел на службу в его канцелярию. К 1805 г. он дослужился до чина коллежского советника. Продолжал он службу и при новом министре Алексее Андреевиче Аракчееве.

26 июля 1810 г. В.Р. Марченко был произведен в статские советники и назначен томским гражданским губернатором, но пробыл в должности менее двух лет. Высочайшим повелением от 12 июля 1812 г.² И.Б. Пестелю, бывшему в то время сибирским генерал-губернатором, поручалось найти на место В.Р. Марченко нового человека, а повелением от 6 августа 1812 г. тому предписывалось ехать в ставку императора³. Курьер вместе с повелением также привез 5 тысяч рублей на дорогу и известие о пожаловании в действительные статские советники.

Как писал позднее сам В.Р. Марченко, Александр I при встрече лестно отозвался о его службе и сказал: «Я выписал тебя в помощь графу Алексею Андреевичу [Аракчееву – А.З.]. Теперь у нас много дел, трудись с ним»⁴. Действительно, дальнейшая служба показала, что Василий Романович пользовался доверием и расположением императора. В 1813–1814 гг. он находился в Свите Александра I при действующей армии, сопровождал императора на конгресс Священного Союза. В августе 1815 г. последовало его назначение статс-секретарем, а в декабре того же года – управляющим делами Комитета министров. Расположение к В.Р. Марченко было подтверждено и тем, что император постоянно брал его с собой в поездки по России. Это вызвало ревность со стороны А.А. Аракчеева⁵, который сделал так, что в августе 1818 г. В.Р. Марченко перевели на должность статс-секретаря Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, затем он служил в Департаменте государственной экономии. Тем не менее уже при императоре Николае I в апреле 1827 г. он был назначен исправляющим должность государственного секретаря, с 6 декабря 1834 г. входил в Государственный совет. В 1840 г. дослужился до чина действительного тайного советника, что соответствует второму классу в Табели о рангах⁶. Умер В.Р. Марченко 6 декабря 1840 г. в Санкт-Петербурге и похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры⁷.

² Высочайшее повеление от 12 июля 1812 г. // Сборник материалов, извлеченных из архива I отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 1. СПб., 1876. С. 92–93.

³ Высочайшее повеление от 6 августа 1812 г. // Сборник материалов, извлеченных из архива I отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 1. С. 105.

⁴ Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко. 1782–1838 / сообщ. В.А. Бильбасов // Русская старина. 1896. № 3. С. 497.

⁵ [Дубровин] Н.[Ф.] Размолвка В.Р. Марченко с гр. Аракчеевым // Русская старина. 1901. № 5.

⁶ Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Русская старина. 1896. № 3. С. 471–505; № 4. С. 3–20; № 5. С. 291–317.

⁷ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи, 1802–1917: биобиблиограф. справочник. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2002. С. 448–449.

Оттиск печати, найденный в делах Государственного архива Алтайского края, относится к периоду службы В.Р. Марченко в должности томского гражданского губернатора (ил. 2). Документ датируется 12 июня 1812 года, то есть написан ровно за месяц до Высочайшего повеления И.Б. Пестелю о замене В.Р. Марченко на кого-то другого. В документе идет речь о прогоне лошадей от Томска до Красноярска и далее до Енисейска. Необходимо отметить, что исходя из опыта изучения документов с приложенными к ним печатями других губернаторов, можно отметить, что документы о прогонах представляют собой наиболее типичные источники, на которых встречаются печати чиновников такого уровня.

Печать овальная, копченая, размером 30 x 35 мм⁸. На ней изображен герб рода Марченко. Его описание имеется в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи»: «В щите, имеющем красное поле, изображен серебряный лебедь. Щит увенчан дворянским шлемом и короной, на поверхности которой находится лебедь. Намет на щите красный, подложенный серебром» (ил. 3)⁹.

Герб на печати совпадает с описанием из «Общего гербовника», а имеющаяся шраффировка поля щита подтверждает, что он красного цвета. Лебедь на щите и над короной не имеет никакой шраффировки, что также свидетельствует в пользу того, что они серебряные.

Ил. 2. Печать В.Р. Марченко. 1812 г. Государственный архив Алтайского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 459. Т. 4. Л. 531. Публикуется впервые.

Ил. 3. Герб рода Марченко из «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». 1801 г.

⁸ Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 459. Т. 4. Л. 531.

⁹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 6. СПб., 1801. № 140.

Снизу к щиту на лентах подвешены два ордена. В.Р. Марченко был пожалован несколькими орденами: в 1808 г. – орденом Святой Анны II степени, в 1809 г. – орденом Святого Владимира III степени, в 1815 г. – орденом Святой Анны I степени, в 1833 г. – орденом Святого Александра Невского. Поскольку оттиск датируется 1812 г., то на тот момент у В.Р. Марченко было два ордена – Святого Владимира III степени и Святой Анны II степени. Логично предположить, что на печати изображены именно они, тем более, что очертаниями они похожи на эти ордена. Цвет намета из-за качества оттиска определить нельзя.

Николай Иванович Трескин (1763–1842)

Ил. 4. Николай Иванович Трескин.

Николай Иванович Трескин (ил. 4) родился в семье священника, учился в семинарии, после ее окончания поступил писарем на Московский почтамт. Там его заметил почт-директор Иван Борисович Пестель, благодаря протекции которого Н.И. Трескин получил назначение вице-губернатором в Смоленскую губернию.

3 марта 1806 г. И.Б. Пестель был назначен Александром I генерал-губернатором Сибири, и Н.И. Трескин последовал за ним в Тобольск. Постепенно И.Б. Пестель заменил всех сибирских губернаторов своими сторонниками, в том числе и Н.И. Трескин был поставлен гражданским губернатором в Иркутске¹⁰. И.Т. Калашников указывал 1808 как год прибытия Н.И. Трескина в Иркутск¹¹.

В 1809 г. И.Б. Пестель уехал с докладом в Санкт-Петербург и более в Сибирь не вернулся; 12 лет, вплоть до отставки с поста генерал-губернатора, он осуществлял управление заочно, опираясь на своих представителей и делегируя им полномочия. После этого можно говорить о том, что Н.И. Трескин обрел всю полноту власти в регионе. Деятельность его была противоречивой, вызывая, с одной стороны, одобрение, с другой – дикую ненависть. После назначения сибирским генерал-губернатором М.М. Сперанского Н.И. Трескина отдали под суд, в результате он был лишен чинов и знаков отличия с запрещением въезда в столицы.

¹⁰ Иркутск: историко-краеведческий словарь. Иркутск, 2011. С. 495, 496.

¹¹ Калашников И.Т. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 289.

Обнаруженная печать Н.И. Трескина – сургучная, красного цвета, размер 30 x 37 мм; документ, к которому она приложена, датируется 13 августа 1812 г.¹², имеется подпись: «Его Императорского Величества Всемилостивейшего Государя моего действительный статский советник, иркутский гражданский губернатор и ордена Святой Анны 1 класса кавалер Н. Трескин». Дата документа и информация из подписи свидетельствуют о том, что документ относится к периоду нахождения Н.И. Трескина в должности иркутского гражданского губернатора. В документе говорится о прогоне лошадей, что, как уже было сказано, наиболее типично для документов, на которых встречаются печати губернаторов.

На печати, видимо, изображен герб Н.И. Трескина. Имеется и шраффировка, позволяющая частично узнать цвета герба. В основу композиции положен рассеченный щит, в правом поле которого, в верхней части, на лазоревом поле серебряная пятиконечная звезда, в левом поле – серебряная одномачтовая лодка на волнах с одним парусом и стягом, повернутыми в правую геральдическую сторону. Цвет левого поля определить сложно из-за смазанного оттиска самой печати. Имеются несколько штрихов, по которым можно предположить, что цвет поля зеленый, но с уверенностью говорить об этом нельзя, поскольку равно это может быть дефектом самого оттиска. Щит увенчан дворянским шлемом, повернутым влево, и дворянской короной. В нащлемнике пятиконечная звезда, такая же, как в правом поле щита, сопровождаемая двумя орлиными крыльями по бокам. Щит помещен на восьмиконечной орденской звезде, по концам которой то сверху, то снизу вьется орденская лента. Снизу к ленте прикреплен орденский крест. Это, несомненно, изображен орден Святой Анны I степени, кавалером которого Н.И. Трескин был, с лентой, которую носили через левое плечо, а восьмиконечная звезда также символизирует звезду, которая носилась на правой стороне груди (см. вкладку, ил. 10).

Адам Иванович фон Бриль (1719–1786)

Адам Иванович фон Бриль, «лифляндской нации, из шляхства», состоял на воинской службе с 1735 г., в офицерском чине находился с 1738 г., в 1753–1754 гг. числился в Бутырском пехотном полку, с 25 декабря 1755 г. – полковник, с 1759 г. – бригадир, с 2 апреля 1762 г. – генерал-майор. В 1762–1763 гг. он командовал оставшимися в дистриктах непоселенными ландмилицкими полками Украинского корпуса (Брянским, Валуйским, Воронежским, Елецким, Новооскольским, Старооскольским и Севским). В 1764–1766 гг. А.И. Бриль состоял при Московской дивизии¹³, с 1 января 1771 г. – генерал-

¹² ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 459. Т. 4. Л. 533.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 149. Канцелярия генерал-поручика Бриля Адама Ивановича. Историческая справка: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.develop.pamyat-naroda.ru/guide/10000000001003/10000045861003/>, свободный. – Загл. с экрана. – Дата обращения: апрель 2017.

поручик, в 1771–1775 гг. – иркутский губернатор¹⁴. Он выдвинул проект объединения различных купеческих компаний в единую монопольную организацию (1772 г.). В 1770 г. А.И. Бриль был пожалован орденом Святой Анны I степени. Весной 1776 г. он выехал из Иркутска в Москву и вскоре был назначен президентом Мануфактур-коллегии (1777–1779 гг.), затем возглавлял Экономическое общество¹⁵.

Документ, к которому приложена печать, так же, как и предыдущие два источника, содержит информацию о прогоне лошадей, датируется 23 декабря 1770 г. На нем имеется подпись: «Генерал-майор, Иркутской губернии губернатор, кавалер, по всей китайской границе и над всеми приграничными таможенными главный командир».

Печать сургучная, красного цвета, диаметр 43 мм¹⁶. На печати предположительно изображен герб Адама Бриля. В фигурном щите во главе со смещением вправо расположился мальтийский крест, рядом с ним с левой стороны изображена выходящая латная рука с одной стрелой, с острием обращенным вправо вниз. Фигурный щит создает иллюзию того, что рука выходит из облака. В середине основания щита расположены какие-то элементы, но с уверенностью говорить, что там изображено, мы не беремся. Щит увенчан дворянским шлемом. В нашлемнике два орлиных крыла и, на наш взгляд, распустившимся цветком между ними. Снизу к щиту подвешен орден, скорее всего символизирующий орден Святой Анны I степени, которым А. Бриль был награжден. С правой стороны из-под щита и снизу расположилась арматура: знамена, трубы, пушки, ядра, барабаны, с левой стороны щит поддерживает щитодержатель – герольд. В левой руке он держит церемониальный посох. Щит, щитодержатель, арматура покоятся на восьмиконечной звезде. Она, как и на печати Н.И. Трескина, символизирует звезду, которая полагалась к ордену Святой Анны I класса и носилась на правой стороне груди. Шраффировка герба отсутствует (см. вкладку, ил. 11).

Таким образом, работа по выявлению в Государственном архиве Алтайского края и введению в научный оборот новых оттисков печатей продолжается. Это способствует расширению фонда источников по российской родовой геральдике. Гербы на печатях Н.И. Трескина и А. Бриля, например, принадлежат к категории неутвержденных, что значительно увеличивает их научную ценность.

¹⁴ По другим данным, А.И. Бриль был иркутским губернатором в 1767–1776 гг. (Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003. С. 113).

¹⁵ Иркутск: историко-краеведческий словарь. С. 76.

¹⁶ ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 531. Т. 1. Л. 29.